

■ ■ ■ КОММУНИКАЦИЯ ВРАЖДЫ: КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Автор: КОЗЫРЕВ Г.И.

КОЗЫРЕВ Геннадий Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии РГГУ, профессор кафедры социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева. Адрес: 115304, г. Москва, Кавказский б-р, 29, корп. 2. Телефон 8 (495) 915-228-01-14. E-mail: genkozyr@mail.ru

Аннотация: рассматриваются политические коммуникации вражды и дружбы как целенаправленно выстраиваемые трансакции с целью занятия более выгодной позиции во взаимодействии с оппонентами. Такие коммуникации конфликтогенны по своей сути.

Ключевые слова: коммуникация, оппонент, противник, враг, образ врага, спор, противоборство, война.

Социальная коммуникация является основой любого взаимодействия, в ходе которого не только происходит взаимный обмен информацией между его субъектами, но и определяется позиция каждого из них по отношению друг к другу.

В разработанной американским психотерапевтом Эриком Берном теории трансакционального анализа предполагается, что человек в различных ситуациях может вести себя тремя основными способами: по-детски, по-взрослому и по-родительски [1]. При этом если одна сторона взаимодействия стремиться «говорить» с другой с позиции «родитель», навязывая другой роль «ребенка», то она будет иметь явное преимущество во взаимодействии, так как «родитель» всегда стремится говорить с позиции силы, опыта, знания, авторитета и т.п. Если же «ребенок» не соглашается с навязываемой ему позицией, то его наказывают. Если же «ребенок» пытается отстаивать свои права, позиционируя себя в качестве «взрослого», то возникает конфликт.

В конфликтном взаимодействии сторон также можно выделить три основные формы взаимного восприятия: оппонент, противник, враг. Эти восприятия во многом зависят от типа социального конфликта и/или стадии его развития, и от конфликтной установки сторон.

Существуют конфликты типа: «спор», «противоборство», «война». Возможны конфликтные ситуации, когда один и тот же конфликт может проходить стадии спор – противоборство – война, и в зависимости от того, на какой стадии находится конфликт, стороны воспринимают друг друга как оппонентов, противников, врагов (табл. 1).

Таблица 1. Взаимозависимость динамики конфликта от субъективного восприятия сторонами друг друга и взаимных конфликтных установок

Тип конфликта (стадия развития)	спор	противоборство	война
Восприятие сторонами друг друга	оппонент	противник	враг
Конфликтная установка сторон	диалог, компромисс	соперничество, доминирование	уничтожение

Из таблицы 1 следует, что от того, к какой категории – оппонент, противник, враг – отнесена противоборствующая сторона конфликта, во многом зависит и конфликтная установка сторон, и динамика развития конфликта, и методы ведения борьбы, и способы завершения конфликта. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо учитывать особенности этих дефиниций.

Необходимо также иметь в виду, что в реальном конфликте возможны варианты, когда одна из сторон может воспринимать другую в качестве оппонента, в то время как другая будет идентифицировать противоборствующую сторону в качестве противника или врага. Например, пришедший к власти в Киеве (февраль 2014) в результате государственного переворота режим, стал воспринимать пытающихся оппонировать ему сторонников федерализации Украины, как врагов, в то время как последние стремились наладить с Киевом диалог, то есть оппонировать.

Оппонент (лат. *opponens* – возражающий) – лицо, имеющее противоположное мнение и выступающее с критикой в споре. Оппонировать – значит: возражать, оспаривать чье-либо мнение [2]. Следовательно, с оппонентом можно вести диалог: отстаивать свое мнение, уточнять позиции сторон, учитывать взаимные претензии, находить компромиссы и даже обюдовыгодные соглашения.

После того, как киевский режим стал периодически устраивать карательные операции в Донецкой, Луганской и некоторых других областях Малороссии, жители Донецкой и Луганской областей стали создавать отряды самообороны, чтобы защитить свои дома и семьи от карателей. А сам режим стал восприниматься большинством жителей Юго-востока Украины как противник, не желающий вести диалог.

Противник – от коренного слова *против*, т.е. расположенный напротив кого-то, чего-то. Слово противник в русском языке имеет несколько сходных значений: 1) человек, относящийся враждебно или негативно (отрицательно) к другому; 2) человек, стремящийся победить другого; 3) неприятель, враг. Но противник может быть, а может и не быть врагом. Например, противник может быть и в дуэли, и в шахматной игре [3]. Из приведенных определений следует, что с противником можно соревноваться, бороться, сражаться, т.е. доказывать свою правоту, свое преимущество в чем-либо. Но противника не обязательно уничтожать.

После событий в Одессе (2 мая 2014 г.), когда в Доме профсоюзов сторонниками «правого сектора» были уничтожены несколько десятков мирных жителей, киевский режим большинством жителей Юго-востока Украины стал восприниматься как враг, которого необходимо свергнуть и уничтожить.

Понятие «враг» ассоциируется с такими однокоренными словами как, *вражда* – недоброжелательные и неприязненные отношения и действия; *враждебный* – исполненный вражды, неприязни, стремящийся причинить вред. Слово *враг* также имеет несколько значений: 1) тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-то, чем-то; противник, недруг; 2) военный противник, неприятель; 3) тот, кто приносит зло, вред [4]. В христианской идеологии существует понятие «враг рода человеческого», т.е. силы абсолютного зла. «Враг» мог персонифицироваться и с реальной угрозой, и с вымышленным (мифологическим) образом, «угрожающим» самому существованию социальной общности. «Смертельная опасность, исходящая от врага, - по мнению Л. Гудкова, – является важнейшим признаком этих смысловых или риторических конструкций. Этим враг отличается от других, хотя и близких персонажей символического театра...» [5].

Таким образом, важнейшим признаком идентификации «врага» является исходящая от него смертельная угроза человеку, группе, социуму. Следующим отличительным признаком «врага» является его дегуманизация – наделение врага различными негативными свойствами и качествами. Так, известный исследователь психологии агрессии Л. Берковец подчеркивает различие между *инструментальной агрессией*, при которой нападение обусловлено в основном стремлением к достижению определенной цели, и *враждебной агрессией*, при которой основной целью является нанесение вреда или уничтожение жертвы [6]. Следовательно, «враг» ассоциируется со злом, ненавистью, агрессией, коварством, насилием, смертью и прочим негативом. Поэтому дегуманизация объекта реальной или мнимой опасности является одним из основных условий формирования «образа врага».

«Образ врага» – это качественная оценочная характеристика «врага», сформированная в общественном сознании. Это восприятие врага и представление о враге. При этом враг и его образ могут значительно отличаться друг от друга, т.к. восприятие отражает не только объективную реальность, но и оценочные интерпретации, и эмоциональные компоненты перцепции. Кроме того, на формирование образа врага оказывают влияние стереотипы и установки, присущие массовому сознанию.

Различные образы «врагов» дают представление о том, что (кто) является угрозой для той или иной социальной общности в определенный период времени, в определенной ситуации, каковы параметры этой угрозы (сила, активность, антигуманность), что необходимо предпринять для защиты от «врага». Эти «образы», как и другие негативные стереотипы, могут передаваться от поколения к поколению, частично меняться от эпохи к эпохе, «нивелироваться» (исчезать) и возрождаться вновь. Например, стереотип о том, что Россия и русские являются основными врагами украинского народа, передается в некоторых регионах Западной Украины из поколения в поколение уже многие десятилетия. Но попытка киевских властей навязать этот стереотип жителям Юго-восточных регионов страны в целом провалилась, потому что в Советский период истории у них сформировались и закрепились иные, положительные по отношению к России стереотипы.

Существуют различные концепции и основания формирования образа врага [7]. Но мы пока остановимся на одном: *стремлении понизить статус (поразить в правах), названного врагом субъекта*.

Само понятие «враг» несет в себе негативные ассоциации. Следовательно, враг, как правило, не может претендовать не только на позитивное, но даже на беспристрастное к себе отношение. То есть «враг» уже самим своим определением ставится в заведомо невыгодное для себя положение. Кроме того, для усиления негативного восприятия «врага», он может наделяться такими «характеристиками» как «враг народа», «враг нации», «враг рода человеческого», «враг демократии» и т. п. Дополнительная характеристика «врага» как бы показывает, что данный актор (враг) является не только врагом для конкретного субъекта (оппонента, противника), но и представляет непосредственную угрозу для многих других (народа, нации, человечества, демократии и т. д.). Например, большевики по отношению к своим политическим оппонентам и невинно обвиненным применяли понятие «враг народа». Таким образом, они поражали в правах не только самого обвиняемого, но и его родных и знакомых.

Следовательно, понятие «враг», особенно в закрытых авторитарных организациях, ассоциируется с «абсолютным злом», на борьбу с которым мобилизуются все силы и средства, и которое необходимо уничтожить. Например, подконтрольные киевскому

режimu СМИ на Украине называют сторонников федерализации с Юго-востока страны не иначе как «сепаратистами», «террористами» и «экстремистами», с которыми нельзя вести переговоры. В ответ жители Юго-востока называют представителей и сторонников киевского режима «бандеровцами», «националистами», «фашистами». В результате возникла коммуникация взаимной вражды.

Политическая коммуникация вражды наиболее характерна для тоталитарной (классовой, националистической, религиозной) идеологии и политики. Так, В. И. Ленин, развивая теорию марксизма, выдвинул идею о том, что в классовой борьбе не может быть нейтральных людей. Сталинская политика довела эту идею до абсолюта: «кто не с нами, тот против нас», «если враг не сдается, то его уничтожают». Фашистская националистическая идеология также весьма категорична в своих выводах о том, какой народ имеет право жить, а какой следует уничтожить. Последствия такой дилеммы (друг–враг) в идеологии и политике бывают весьма трагическими.

Следующим основанием формирования образа врага, которое следует рассмотреть в рамках нашего исследования – это поиск «врага» как способ переложить свою вину на другого. Это также стремление присвоить другому свои пороки, помыслы, желания, действия. Данное основание действует по принципу «держи вора», когда сам вор, чтобы снять с себя подозрения о совершенной им краже, инициирует поиски мнимого «вора». Например, чтобы оправдать свое сотрудничество с фашистской Германией и свои преступления во время второй мировой войны, профашистские силы в некоторых странах (Эстония, Латвия, Литва, Украина, Польша и др.) стремятся представить Красную Армию (СССР, Россию) не в качестве освободителя, а в качестве завоевателя и врага.

В настоящее время Соединенные Штаты обвиняют Россию во всех смертных грехах только за то, что им не удается в полной мере осуществить на Украине подготовленную ЦРУ «цветную революцию». Возвращение Крыма в состав России и объявление о создании независимых от киевского режима Луганской и Донецкой республик спутали им «карты». Многократно опробованная технология смены неугодного режима власти в суверенных странах, на Украине дала сбой. В сложившейся ситуации в качестве «козла отпущения» была избрана Россия, на которую посыпались различные санкции. Мировое сообщество в своем большинстве поддержало позицию США и Евросоюза и этим, по сути, способствовала частичной легитимации националистического, антирусского настроенного киевского режима.

В публичной политике межсубъектная трансакция (коммуникация) одновременно приобретает характер массовой коммуникации, так как в своих действиях каждый субъект взаимодействия рассчитывает на определенную реакцию мировой общественности. Кроме того, именно мировая общественность в лице наиболее влиятельных стран и международных институтов своими оценками и действиями способна поддержать (утвердить) или отвергнуть ту или иную позицию, на которую претендуют конфликтующие стороны. Например, путем одобрения (наложения) каких-либо санкций на одну из сторон, Совет Безопасности ООН, по сути, закрепляет за этой стороной положение провинившегося «ребенка», которого следует наказать.

В международных коммуникациях США всегда стремятся выступать с позиции покровителя, в отношении тех, кто проявляет им свою лояльность, и с позиции судьи и/или карателя к тем, кто пытается отстаивать свой суверенитет. Для этих целей они (США) всегда имеют в своем арсенале явные или неявные «причины» и «предлоги» для обвинения своего оппонента (противника, врага) в каких-то грехах. Например, во времена холодной войны США были очень «озабочены» нарушением прав человека в

СССР. В настоящее время такую «озабоченность» у США и их союзников периодически вызывают «проблемы демократии» в России, нарушения прав сексуальных меньшинств и другие реальные и вымысленные проблемы. И эта «озабоченность» вдруг актуализируется в ситуации, когда для решения каких-то реальных проблем необходимо оказать на Россию (и не только) определенное давление.

«Озабоченность» чужими проблемами – это своего рода «компромат», который можно использовать в нужный момент, чтобы создать из вчерашнего партнера «противника» или «врага». При этом даже ни на чем не основанные ложные обвинения хотя бы на короткий период времени ставят обвиняемую сторону в невыгодное положение. Ей приходится оправдываться и отвергать обвинения, в то время как обвиняющая сторона ищет предлоги и поводы для новых обвинений. Ложные обвинения со временем могут быть опровергнуты фактами, но из-за постоянно выдвигаемых обвинений и санкций у окружающих формируется стереотип о том, что обвиняемая сторона всегда что-то нарушает, кому-то угрожает, и ее проще отнести к категории «враг». Кроме того, из-за подпорченного имиджа страны, как правило, несет значительные экономические, политические и др. издержки.

Необходимо также учитывать, что США, обладая огромной экономической и военной мощью, могут позволить себе говорить с большинством стран с позиции силы, заставляя их поддерживать в международных отношениях и конфликтах «единственно верную» точку зрения на то, кто прав, а кто виноват, кто друг, а кто враг. В таком случае возникают *ситуационные основания* для идентификации врага, когда зависимый субъект политики (страна, народ) вынужден воспринимать другого субъекта как врага, не имея для этого реальных оснований. Например, во время второй мировой войны некоторые страны Восточной Европы (Болгария, Венгрия, Румыния и др.), под давлением Германии, вынуждены были воевать против Советского Союза, т. е. идентифицировать его как «врага». Сегодня США и их союзники нередко оказывают давление на другие страны в ходе голосования в ООН и не только [8].

Нередко установлению долговременных позитивных коммуникаций мешают *стереотипы сознания*, когда любое реальное или мнимое противоречие рассматривается через призму прошлых обид. Так, президент В.В. Путин, выступая на Мюнхенской конференции (февраль 2007 г.) отметил, что «холодная война» оставила нам «неразорвавшиеся снаряды» в виде идеологических стереотипов, двойных стандартов и иных шаблонов блокового мышления, которые мешают решению острых экономических и социальных вопросов [9]. Но эти стереотипы, нередко искусственно актуализируются. Например, США в настоящее время прикладывают колоссальные усилия для того, чтобы разрушить взаимовыгодные партнерские отношения между странами Евросоюза и Россией, в том числе и путем актуализации старых стереотипов о том, что окрепшая Россия, как когда-то СССР, станет угрожать другим странам.

Основания для создания образа врага выбираются с учетом общественной значимости «проступка» намеченной жертвы, а специфика его формирования во многом зависит от преследуемых целей и интересов субъектов, конструирующих конкретный образ. Так Сербия (Югославия) обвинялась в многочисленных жертвах среди мирного албанского населения и в других «грехах», Ирак – в создании оружия массового поражения и угрозе другим странам, Афганистан – в сокрытии главарей террористических организаций, Россию сегодня обвиняют в дестабилизации отношений на Украине. В реальности же данные образы «врагов» создавались и создаются для того, чтобы США и их союзники могли навязывать свою волю другим странам и народам.

Существует прямая зависимость между формой политического режима власти и типами приоритетных (возможных) коммуникаций. Тоталитарный и авторитарный режимы предпочитают делить людей и страны на «друзей» и «врагов» и, как правило, не приемлют промежуточных категорий.

Одним из теоретиков такой дихотомии в политике является известный немецкий ученый К. Шмит, который считает, что в определении понятия «политическое» одну из ключевых ролей играют такие категории как «друг» и «враг»: «Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, – это различие друга и врага. Смысл различия друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разъединения, ассоциации или диссоциации» [10]. Далее К. Шмит пишет, что «враг» не обязательная, а вероятностная реальность, возможность проявления борющейся совокупности людей. Враг есть только публичный враг, которого «вовсе не следует немедленно уничтожать: напротив, он заслуживает обходительного обращения» [10]. Но дальнейшие выводы К. Шмита не столь оптимистичны. Он пишет, что война, как крайняя реализация вражды, следует из этой самой вражды [10], т. е. наличие публичного (виртуального) врага может привести к реальной войне и к уничтожению реального «врага».

Следовательно, война терминов в символических политических коммуникациях не так уж безобидна. Процесс формирования образа врага – это своего рода предварительный символический артобстрел позиций противника перед началом генерального наступления и подготовка мирового общественного мнения к последующим действиям. Далее сторона-агрессор инициирует введение различных санкций или начало открытой агрессии. Например, бомбежке Сербии самолетами стран НАТО в 1999 году предшествовала широкомасштабная операция в информационном поле по «сатанизации сербов».

Кроме основной стратегической цели формирования образа врага – уничтожение конкурента (противника), смена политического режима, сторона-агрессор может иметь и целый ряд тактических целей. Например, дискредитация олимпийских игр в Сочи преследовала цели сокращения числа спортсменов и гостей, желающих посетить игры, и, таким образом, снизить престиж страны-жертвы и нанести ей моральный и экономический урон. Дискредитация российской системы образования способствует оттоку иностранных студентов из наших учебных заведений; дискредитация условий ведения бизнеса способствует оттоку иностранного капитала.

Целенаправленно сконструированный образ врага может приносить стороне, его создающей, немалую выгоду. Так, например, в сентябре-октябре 2012 года Китай, воспользовавшись обострением конфронтации с Японией по поводу спорных островов, стал активно актуализировать свойственные китайскому народу стереотипы о Японии, как о враге. Одновременно была развернута широкомасштабная компания против японских товаров и фирм. В результате за эти два месяца прибыль автомобильного концерна «Ниссан» в КНР упала на 20%, «Мазды» – на 40%, «Хонды» – на 60% и т.д. [11]. Таким образом, рынок был освобожден для аналогичных китайских товаров, а экономический конкурент (Япония) понес колоссальные убытки. Когда цель была достигнута, акция по актуализации образа врага достаточно быстро стихла.

Однополярный мир (также как и авторитарный режим) предполагает деление акторов на друзей и врагов и не приемлет промежуточных категорий, например, таких как «партнер», «оппонент», «противник», «другой», «не свой» и пр. В этом плане учение К. Шмита о политике и политических коммуникациях условно можно отнести к традицион-

ной парадигме исследования социально-политических процессов и отношений. Она предполагает выстраивание политических коммуникаций с позиции доминирования одной из сторон взаимодействия.

Для большинства же стран, даже находящихся не в дружеских отношениях, в большей степени характерна социальная (социологическая) парадигма взаимодействия, предложенная Томасом Шеллингом в его работе «Стратегия конфликта». Суть парадигмы состоит в том, что в любом, даже конфликтном взаимодействии, действия одной стороны зависят от действий другой стороны. Взаимозависимость сторон «вынуждает» их искать и находить общие интересы [12]. Такую стратегию в конфликте Шеллинг называет теорией взаимозависимых решений. В настоящее время она используется во взаимоотношениях между Россией и большинством стран Евросоюза, которые, с одной стороны, под давлением США вынуждены участвовать в компании по «объявлению» России всевозможных санкций за события на Украине, а с другой стороны, не хотят разрушать взаимовыгодные экономические отношения.

Многополярный мир, к которому стремится большинство суверенных стран, представляет собой сложную динамику партнерства и соперничества, кооперации и противоборства. В таких условиях, по выражению К. Уоллендера, возникают такие отношения как «враждебные друзья» или «дружественные противники» [13]. Когда «сегодняшний противник» завтра по какому-то конкретному вопросу может стать партнером. И обратное тоже верно – вчерашний партнер на следующий день по какой-то проблеме может стать противником, сохранив при этом потенциал сотрудничества» [14].

В настоящее время в мировой политике происходят весьма важные эпохальные события. Однополярный мир, сложившийся после распада СССР, постепенно трансформируется в многополярный. Коммуникация вражды в многополярном мире теряет свою эффективность. На этом фоне знаковыми можно считать такие события как подписание долговременного договора о поставках Россией газа в Китай, и создание Евразийского таможенного союза (май 2014).

Список литературы

1. Эрих Б. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб., 1992.
2. Словарь иностранных слов. М., 1988.
3. Словарь современного русского литературного языка. Т. 11. Изд. «Академия наук». М., 1961.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. М. «Русский язык». 1991.
5. Гудков Л. Идеологема «врага». / Негативная идентичность. М., 2004.
6. Берковец Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001.
7. Козырев Г.И. «Враг», (образ врага) в общественных и политических отношениях. // СОЦИС. 2008. № 1.
8. Интернет ресурс: http://www.pravda.ru/world/31-03-2014/1202433-generalnaya_assambleya-0/ (30.05.2014).
9. Владимир Путин. Хватит с нас однополярного мира! // Аргументы и факты. 2007. № 7.
10. Шмит К. Понятие политического. // Вопросы социологии. 1992.Т.1. № 1.
11. Зотов Г. Как Китай наказал Японию. // Аргументы и факты. № 46, 2012 г. С. 15.
12. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М., 2007.
13. Wallander C. Mortal Freiendes. Ithaca, 1999.
14. Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях. // США. Канада. Экономика – политика – культура. № 1, 2007.
15. Кравченко С.А. Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию//Коммуникология. Том 1. №1. 2013.

■ ■ ■ COMMUNICATION OF ENMITY: CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS

Author: KOZYREV G.I.

KOZYREV Gennady Ivanovich, Professor of Sociology, Department of Sociology, D. Mendeleyev University of Chemical Technology of Russia.
Email:genkozyr@mail.ru

Annotation. The author considers political communications of enmity and friendship as purposefully arrayed transactions with a view of occupation of more advantageous position in interaction with the opponents. Such communications are essentially conflict.

Keywords: communication, opponent, adversary, enemy, image of the enemy, dispute, confrontation, war.

References

1. Bern, E. Igry, v kotorie igravit liudi. Liudi, kotorie igravit v igri. SPb., 1992. [Berne E. (1992). Games in which people play. People, who play games. St.Petersburg, 1992].
2. Slovar inostrannih slov, M., 1988. [Dictionary of Foreign Words, M., 1988].
3. Slovar sovremennoj russkogo literaturnogo yazika. T.11. Izd."Akademiya nauk" 1961. [Dictionary of modern Russian literary language. Part 11. Publishing house Academy of Sciences. M., 1961].
4. Slovar sovremennoj russkogo literaturnogo yazika. T.2. M., 1991 [Dictionary of modern Russian literary language. Part 2. M., 1991].
5. Gudkov, L. Ideologema "vraga". / Negativnaya identichnost. M., 2004 [Gudkov L. (2004). An ideologem of the "enemy". / Negative identity. M., 2004].
6. Berkovets, L. Agressiya: prichini, posledstviya i kontrol. Spb., 2001 [Berkovets L. (2001). The aggression: causes, consequences and control. St. Petersburg., 2001].
7. Kozyrev, G.I. "Vrag", obraz vraga v objestvennykh politicheskikh otnosheniyakh // SOTCIS. 2008., №1. [Kozyrev G.I. (2008). An Enemy, image of the enemy in public and political relations. // *Sociological research*. 2008. №1].
8. Available: http://www.pravda.ru/world/31-03-2014/1202433-generalnaya_assambleya-0/ (30.05.2014).
9. Vladimir Putin. Hvatis s nas odnopolyarnogo mira! // Argumenti i fakty. 2007, № 7. [Vladimir Putin. (2007). We've had enough of unipolar world! // *Arguments and facts*. 2007. № 7].
10. Shmitt, K. Poniatiye politicheskogo. // Voprosi sotsiologii. 1992. T.2. №1. [Schmitt K. (1992). Meaning of the word 'political'. // *Problems of Sociology*. 1992. Part 1. № 1].
11. Zotov, G. Kak Kitai nakazal Yaponiyu// Argumenty i fakty. № 46, 2012. [Zotov, G. (2012). China punished Japan. // *Arguments and facts*. № 46, 2012].
12. Shelling, T. Strategiya konflikta. M., 2007. [Shelling T. (2007). A strategy of conflict. M., 2007].
13. Wallander, C. (1999). Mortal Freinds. Ithaca.
14. Davidov, Y.P. "Jestkaya" i "myagkaya" sila v mejdunarodnih otnosheniyakh. // SSHA. Kanada/ Ekonomika-politika-kultura. №1 2007. [Davydov Yu.P. "Hard" and «soft» force in international relations. // *USA. Canada. Economy – policy – culture*. № 1. 2007].
15. Kravchenko S.A. Vliyanie nelinejnoi sociokulturalnoi dinamiki na riski: vizovi sociologicheskomyu znaniyu// Kommunikologiya/ TOM. № 1. 2013. [Influence of socio-cultural dynamics of nonlinear risks: challenges socio-logical knowledge] // *Communicology*. Volume 1. № 1. 2013.

